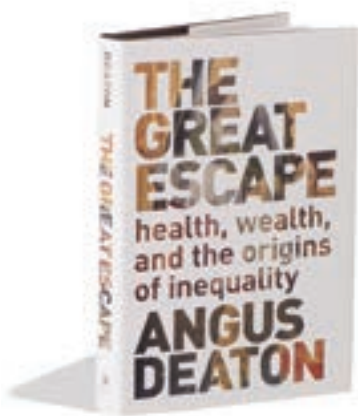

Помощь и пособничество

Angus Deaton

The Great Escape

Health, Wealth, and the Origins of Inequality

Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2013, 360 pp., \$29.95 (cloth).

Экономист из Принстонского университета Ангус Дитон стал автором пресловутой и увлекательной книги — обширной истории улучшения здоровья и материального благополучия людей в Америке и мире в целом с древнейших времен до наших дней.

Под великим побегом (*The Great Escape*) в заголовке книги подразумевается побег от бедности и болезней. Этот побег уже успешно совершили некоторые народы, большинство стран мира находятся в процессе, а небольшому числу менее удачливых лишь предстоит его начать. Дитон, мировой эксперт в области данных о состоянии здоровья населения и его доходах, в доступной и интересной форме представляет нам статистические данные и интересно рассуждает о погрешностях, допущениях и недостатках этих данных. Значительная часть книги направлена на то, чтобы предупредить нас: во всех статистических данных о состоянии экономики и здоровья населения неизбежно присутствует неопределенность и компромиссы, поэтому не стоит им слишком доверять.

Принимая во внимание это допущение, Дитон кратко излагает историю и масштаб мирового прогресса, а также его основные причины. При этом он утверждает, ни много ни мало, что избавление от высокой смертности было лишь поверхностно связано с избавлением от бедности. На Западе основной причиной улучшения здоровья был не рост личного благосостояния.

Непосредственными причинами этого было в большей степени улучшение коммунальных услуг, таких как водоснабжение и канализация. В отношении развивающихся стран за последние 50 лет на вопрос «Характеризуются ли быстро развивающиеся страны более высокими темпами снижения младенческой смертности?» совершенно четко можно ответить: «Нет». Возможно, книгу стоило бы озаглавить «Великие побег».

На пути к прогрессу, отмечает Дитон, во имя международного контроля над ростом населения предпринимались совсем не обязательные вредные действия. Это говорит еще об одном великом побеге: все страны выбрались из мальтузианской ловушки доиндустриальной эпохи, когда рост населения обычно связывался с меньшими доходами и худшим здоровьем.

Учитывая подчеркнутую Дитоном ограниченность нашего понимания, читателя, ищущего тривиальных исходных установок на повышение роста доходов в странах на противоположном полюсе мирового развития или на постоянный мировой прогресс в сфере повышения уровня здоровья населения, ждет разочарование. Говоря о том, что поиск «ключа к развитию», который, скорее, может оказаться ключом к застою, не имеет смысла, Дитон предполагает, что такие усилия приводят к ошибочным обобщениям, основанным на совпадениях. «Этрусские и римские предсказатели точно так же гадали в свое время по куриным потрохам», — говорит он. При этом Дитон утверждает, что институты, ориентированные на элиту, «противостоят росту». И это одна из причин, по которым он уделяет в книге большое внимание неравенству.

В книге подробно описывается рекомендация политики для помощи беднейшим слоям мирового населения: сократить бюджеты на оказание помощи. Дитон утверждает, что финансовая помощь не способствует росту. На самом деле, обильная помощь становится препятствием на пути развития, которое развращает институциональные системы, позволяя руководителям стран править без поддержки населения, так как нет необходимости взимать с населения налоги. При этом автор поддерживает некоторые виды помощи и способы ее оказания — в частности, финансирование развития новых технологий, включая, например, лекарства. Он также отмечает, что «внешняя помощь спасла миллионы жизней в бедных странах», особенно благодаря снижению

уровня детской смертности от инфекционных заболеваний. Но даже роль помощи в развитии здравоохранения является ограниченной, поскольку она не способствует созданию базовых систем здравоохранения.

Действительно, сложно доказать, что в среднем помощь приносила пользу экономическому росту бедных стран. По мнению Дитона, другие, более мощные инструменты мировой политики, например, касающиеся миграции, либерализации торговли и реформ субсидий, гораздо больше способствуют такому росту. Много, и даже, пожалуй, большинство средств, выделявшихся в прошлом на оказание помощи, было потрачено впустую.

Однако негативное влияние помощи тоже не столь очевидно. Недавний анализ, проведенный сотрудниками МВФ (Рабочий документ МВФ 12/186), показывает, что в бедных странах с неразвитыми институтами помощь заменяет налоги примерно один к одному, но в среднем для стран-получателей каждый доллар полученной помощи снижает собираемые правительствами налоги всего на девять центов. Также существуют свидетельства того, что даже в странах, зависящих от финансовой помощи и имеющих слабую систему управления, помощь иногда способствует созданию элементарной системы здравоохранения. За период с 2004 года по 2010 год средняя ожидаемая продолжительность жизни в Афганистане увеличилась с 42 до 62 лет, в немалой степени благодаря программе, финансируемой Агентством США по международному развитию и проводимой министерством здравоохранения. Благодаря этой программе 90 процентов населения получило базовые медицинские услуги. Ради миллионов людей, которым удалось спасти жизнь благодаря оказанной помощи и успешным проектам во многих сектор экономики многих стран, несмотря на многочисленные неудачи, систему оказания помощи необходимо реформировать, а не сокращать. Такие реформы, наряду с либерализацией миграционной политики и увеличением равенства в торговле, могли бы помочь еще миллионам людей совершить свой великий побег от нужды и болезней, о котором так хорошо говорит Дитон в своей книге и исследованиях.

Чарльз Кенни,
старший научный сотрудник
Центра мирового развития,
автор книги "Getting Better: Why Global
Development Is Succeeding and How
We Can Improve the World Even More"

Вторсырье и будущее

Adam Minter

Junkyard Planet

Travels in the Billion-Dollar Trash Trade

Bloomsbury Press, New York, 2013, 304 pp., \$27.50 (cloth).

Вампиры в фильмах ужасов, укусив свою жертву, превращают ее в нового вампира. В книге Адама Минтера приводится аналогичный пример. Как вред, нанесенный экологии, превращает невинных граждан в загрязнителей окружающей среды. В своем путешествии-рассказе о свалках мира он посещает китайский Вэнан. Вэнан — центр китайской индустрии по переработке пластикового мусора. Здесь перерабатываются пластиковые отходы не только Китая, но также и США и Европы. Процесс ставит под угрозу здоровье местных жителей. Очистка пластика высвобождает токсины, что ведет к учащению случаев инсульта и гипертонии и снижает среднюю продолжительность жизни в районе.

Жители Вэнана помнят, что когда-то они жили на прекрасной и зеленой земле, которая славилась своими персиковыми деревьями и чистыми ручьями. Нерегулируемая нефтяная промышленность отравила почву и превратила ручьи в мутные потоки, фермеры лишились возможности выращивать урожай, и местным жителям пришлось заняться переработкой пластика ради экономического выживания. Минтер говорит, что Вэнан — это, возможно, самое загрязненное место из всех, которые он видел, и что значительное количество пластика поступает из его родной страны, США.

Минтер, сын торговца вторсырьем из Миннесоты, сейчас живет в Шанхае и работает журналистом. Он обожает путешествовать по свалкам и рад сво-

ей профессии, где он занимается вопросами переработки отходов. Пока кто-то борется за сохранение китов и медведей, он защищает свалки, как неотъемлемую часть нашей прекрасной планеты. И хотя его книгу «Junkyard Planet» нельзя отнести к жанру экологических ужасов, не утверждается в ней и то, что экологически чистый бизнес может стать решением всех наших проблем. Это вдумчивый анализ процесса переработки отходов, который показывает, что хотя утилизация и является жизненно важным и требующим творческого подхода бизнесом, это неизбежно грязное и разрушительное дело.

Переработка вторсырья позволяет сэкономить энергию. Например, для извлечения из руды некоторых веществ, таких как алюминий, требуется огромное количество энергии, а на их извлечение из отходов ее требуется гораздо меньше. Минтер отмечает также, что добыча металлической руды часто вызывает перемещение людей, живущих в этой местности, и разрушает экосистемы. Самое, вероятно, неоднозначное утверждение, которое он выдвигает, заключается в том, что отправка американских и европейских отходов в Китай по сути не является эксплуатацией. Он утверждает, что китайские компании с радостью покупают вторсырье, которое служит источником ресурсов для их обширной промышленной базы. Несмотря на наличие таких примеров, как Вэнан, разнообразные нормы и новые лучшие методы переработки позволяют сделать эту отрасль менее вредной для окружающей среды.

В то же время, хотя Минтер очевидно симпатизирует торговцам вторсырьем, с которыми он встречается и общается во время своих путешествий, он отмечает, что процесс переработки никогда не проходит бесследно для окружающей среды. (Когда мы выкидываем железные банки в специальный бак, мы думаем, что совершаем доброе дело, но, по словам Минтера, мы всего лишь перекладываем заботы о наших отходах на других. Хуже того, он приводит результаты исследований, показывающие, что переработка вторсырья ведет к тому, что мы производим больше мусора).

Повторное использование лучше переработки вторсырья, но еще лучше — вообще отказаться от использования. И хотя «Junkyard Planet» может показаться хвалебной одой рыночной экономике, в ней также содержится критика ничем не сдерживаемого капитализма. На каждого предприимчивого переработчика вторсырья есть продукт, кото-

рый вообще не должен выбрасываться, но производителям выгоднее, если это происходит. Минтер страстно доказы-

Самое, вероятно, неоднозначное утверждение, которое он выдвигает, заключается в том: отправка американских и европейских отходов в Китай по сути не является эксплуатацией.

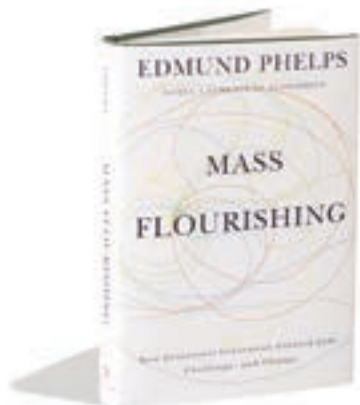
вает, что если мы действительно хотим существенно снизить коллективный ущерб, наносимый окружающей среде, производители должны перейти на выпуск более долговечных технологических товаров, которые, вместо того, чтобы быть выброшенными, могли бы быть исправлены для дальнейшего использования.

Адам Минтер напоминает покойную Элинор Остром, первую женщину, получившую нобелевскую премию по экономике (см. сентябрьский выпуск *Ф&P* 2011 года). Она изучала так называемую «трагедию ресурсов общего пользования» и обнаружила, что очень часто общинная земля тщательно оберегается местными жителями, и здесь нет совершенно ничего трагического. Вместо того чтобы верить в метафорическую модель экологической гибели, она решила исследовать творческие методы, которыми люди пытаются решить экологические проблемы. Минтер, не являясь ученым, смотрит на вещи такими же глазами, как Остром, и спрашивает людей, как им удается добиться результатов. Он предпочитает практические знания предвзятым идеям и обнаруживает при этом, что легкие решения зачастую оказываются и самыми простыми.

«Junkyard Planet» приятно и интересно читать. Эта книга больше похожа на роман, чем на документальный очерк, в ней содержится множество тонких наблюдений. Ни сжигание, ни закапывание мусора не являются решением проблемы отходов, но и переработка вторичного сырья не всегда оказывается столь экологически безопасной, как представляется.

*Дерек Уолл,
международный координатор
Зеленой партии Англии и Уэльса,
автор книги "The Sustainable
Economics of Elinor Ostrom"*

Классический совет для современной экономики

Edmund Phelps

Mass Flourishing

How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change

Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2013, 392 pp., \$29.95 (cloth).

Эта необычная и смелая книга Эдмунда Фелпса задумана как современный трактат, альтернативный манифест капитализма. Она звучит порой вдохновляюще, а порой сварливо и провокационно. Автор проповедует принципы и добродетели Аристотеля, а также веру в то, что конечной целью современной экономической системы должен быть эвдемонизм — понятие, часто трактуемое как счастье, но, по мнению многих современных писателей, означающее, скорее, развитие процветание. Другой центральной темой книги является витализм как двигатель инноваций, который лежит в основе того, что Фелпс считает современной экономикой.

Фелпс говорит, что в XX веке сначала Европа, а затем, после 1960-х годов, и США страдали от распространения того, что он назвал корпоратизмом: расширенный государственный сектор, разросшиеся социальные программы и программы трансфертов, влиятельные профсоюзы, вступающие в сговор с мощными группами работодателей и большими корпорациями. В результате развивается бюрократия и тот образ жизни, который все больше отталкивает новаторство. На каком-то этапе Фелпс даже преувеличенно заявляет, что Америка сегодня страдает от тех же проблем, что современная Греция.

Наиболее явной аналогией этой книге представляется мрачная работа Йозефа Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» (*Capitalism, Socialism and Democracy*, 1942). «*Mass Flourishing*»

(«Массовое процветание») как и эта книга, не вписывается в простую классификацию по обычному политическому спектру. Автор не симпатизирует ни левым защитникам государства всеобщего благосостояния, ни традиционным ценностям, под которыми, как представляется, он имеет в виду привязанность к более старым, некоммерческим ценностям, таким, как альтруизм. В эмпирическом разделе Фелпс пытается показать, что, например, в традиционном обществе отмечается более низкая степень удовлетворенности работой. Он представляет стойкость традиционных ценностей как источник опасной склонности к корпоратизму в странах с развитой экономикой.

В каждой части книги человеческая способность к новаторству рассматривается под разными углами: обзор экономической истории иллюстрирует, что быстрый экономический рост в последние два века основывался на «рискованных начинаниях». В разделе, более ориентированном на экономику, анализируются различные показатели (особенно степень удовлетворенности работой) в трех системах — капитализме, социализме и корпоратизме. И наконец, в более философской, теоретической части выделяются и противопоставляются традиционализму различные преобладающие черты капитализма, или модернизма.

Традиционалисты боятся перемен и кризиса, говорит Фелпс, и непропорционально сильно представлены в правительствах и международных организациях. Он не согласен с политиками и комментаторами, выступающими за «сбалансированный рост». Фелпс советует МВФ не беспокоиться о мировых дисбалансах и предотвращении кризисов: в противном случае «МВФ упускает из виду основы надлежащего функционирования современной капиталистической экономики».

Основная аргументация Фелпса посвящена культуре и тому, как ее можно оценить с точки зрения объяснения экономического роста. Но он отмечает отставание: «современное мышление» возникло в 1500 году, а современная экономика — только после наполеоновских войн. Он считает, что только новая ориентация, при которой множество людей (а не отдельные предприниматели) стремятся к риску и новаторству, может объяснить современный экономический рост.

Фелпс вступает в полемику с Адамом Смитом (который в 1776 году

не мог в полной мере оценить возможности технического прогресса), немецкой исторической экономикой (уделяющей слишком много внимания институциональной системе), Максом Вебером (из-за его повышенного интереса к аскетизму и экономии, а не «эксперименту, исследованию, отваге и неизвестности»), Шумпетером (который сосредоточен на героических предпринимателях в духе немецкой институционалистской традиции) и Джоэлом Мокиром (который уделял слишком большое внимание научному подходу и истокам промышленной революции). Следуя точке зрения современных историков экономики, мир до 1800 года рассматривается как преимущественно статичный, лишенный существенного роста доходов. Но, что странно, Фелпс игнорирует наиболее распространенное современное объяснение сдвига, произошедшего после 1800 года — замену энергии людей и животных на энергию, получаемую из природных ресурсов, в первую очередь, от ископаемого топлива.

Фелпс завершает свою работу поразительным и радостным выводом, допускающим существование множества различных систем ценностей. Некоторые захотят жить в духе модернизма (который должен включать некоторую степень перераспределения благ для обеспечения справедливых результатов), другие предпочтут традиционализм (преданность семье или сообществу). Последователи традиционализма не должны пользоваться какими-либо концепциями перераспределительной справедливости. Тех, кто хочет следовать подходу, который Фелпс считает неаристотелевской концепцией хорошей жизни, следует исключить из принципа перераспределения, опираясь на идеи социальной справедливости Джона Ролза (поскольку они «не участвуют в производстве перераспределяемых социальных излишков»). Такой необычный поворот ставит своей целью показать, как можно вписать традиции в современный мир. Но он сам не очень хорошо вписывается в общее впечатление, остающееся о книге, которая напоминает современную версию размышлений Шумпетера о саморазрушающейся динамике современной экономики.

*Гарольд Джеймс,
профессор истории
и международных отношений
Принстонского университета*